

СВЕТЛАНА МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

КУСОЧЕК СЧАСТЬЯ

РАССКАЗЫ

В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Это случилось вчера, в троллейбусе. Был час пик. С трудом протиснувшись к окну, я оглянулась — Андрей пробирался ко мне.

— Ну что — цела? — он смотрел на меня сверху вниз и был похож на великана.

— Какой же ты большой!..

— Это не главное моё достоинство.

— Надеюсь... А интересно, что ты считаешь главным?

— М-м... Я добрый!

— Правда?

Он весело кивнул.

— Я знал, что это тебе понравится.

Мы замолчали, прижатые тисками плеч, спин, чьих-то, рук, в жарком дыхании людей, разных и одинаковых в тусклом освещении сумерек. Где-то закричал ребёнок.

— Не могу выносить детского плача, — шепнул он мне и сморщился страдальчески.

Троллейбус тряхнуло, мы вцепились друг в друга, и я почувствовала его сильные, надёжные руки. “Как хорошо, что он рядом. Большой и добрый.

МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО Светлана Николаевна – поэт, прозаик, публицист, возглавляет Краснодарскую краевую писательскую организацию, главный редактор газеты “Кубанский писатель”. Заслуженный деятель искусств Кубани, лауреат литературных премий, публиковалась в журналах “Наш современник”, “Роман-журнал 21 век”, “Московский вестник”, “Медный всадник”, “Невский проспект”, “Север”, “Земляки”, “Дон”, “Бийск литературный” и многих других. Живёт в Краснодаре.

Мой рыцарь с голубыми, как небо, глазами. Удивительно — глаза как небо...”

— Ты чего задумалась?

— Так...

Он осторожно поправил у меня воротник: “Так ты ещё лучше”. А троллейбус всё ехал. Нас трясло, покачивало, но мне было всё равно.

— Неудобная штука — транспорт, — вздохнул Андрей. — Завидую людям двадцать первого века: они лишь по фильмам будут представлять наши грохочущие трамваи и троллейбусы, доверху набитые людьми. Или по книгам...

— Да, ты прав... И я бы лучше с удовольствием читала об этом, чем испытывать каждый день, — почти машинально поддакнула я.

— Как я не подумал об этом!.. — неожиданно оживился Андрей. — Ну, ничего, сейчас тебе позавидуют все, кто здесь стоит.

— Ты хочешь поднять вон ту старушку и посадить меня на её место?

— Да нет, ты слишком молода, чтобы сидеть на местах для инвалидов. Правило буравчика по физике учила?..

Он говорил, а его рука протискивалась между мной и стоявшим рядом мужчиной, пока не ухватилась за поручень.

— Поосторожней нельзя? — пробасили мне в ухо.

— Сейчас ты увидишь... ещё одно моё достоинство...

— Что ты задумал, Андрей? — встревожилась я.

— Я хочу, чтобы тебе было удобно стоять...

Он медленно выговаривал слова, а его руки, как стальные прутья, раздвигали толпу, образуя вокруг меня свободное пространство.

— Вы что, молодой человек?..

— Куда толкаешь?!

— Брось, парень, здесь не место спортом заниматься!..

Андрей молчал, как будто это его не касалось, и смотрел на меня:

— Теперь тебе лучше?

— Что? Лучше?..

Да, руки Андрея, отвоевав пространство, предохраняли от нечаянных толчков, но как же неудобно было стоять под прямыми колючими взглядами.

— Прости, Андрей, но я не понимаю, зачем это?..

На него давили сзади, и я видела, что он с трудом сдерживает этот натиск.

— Андрей, мне это не нравится. Прекрати, слышишь?

Пузатый дядька толкнул его кулаком в спину. Андрей недобро хмыкнул, глаза загорелись дерзостью:

— Ну, там, полегче!

— Я те покажу полегче, ёлки-палки!..

— Прекратите это безобразие! — седая женщина в очках с негодованием смотрела на нас. — Вы что, одни здесь?

— Совести у них нету!..

— Хулиганьё! — высокий женский голос перекрыл всех и, казалось, звенел в ушах.

Андрей молчал.

— Андрей! — Я смотрела на него, широко раскрыв глаза, надеясь, что сейчас всё кончится, ведь это — шутка. А резкие, злые слова падали, точно град:

— Вы посмотрите: девочка, а такая нахалка!..

— Мать бы видела...

— У них и матери такие. Нарожали, ёлки-палки!..

— Не обращай внимания, — произнёс Андрей, едва разжимая губы, пытаюсь улыбнуться. — Тебе хорошо, а я выдержу...

— Что ты говоришь!..

— Не обращай внимания, — повторил он твёрже. — Не надо.

Какая-то пружина лопнула во мне, и решимость действовать толкнула меня вперёд:

— Хватит!..

— Постой, постой, сейчас я его! — высокий женский голос противно звенел в ушах. Я быстро пробиравась к выходу, чтобы не слышать, избавиться от поскорее от всего происходящего.

Троллейбус, наконец, остановился.

— У, бесстыжая!

Кто-то больно толкнул сзади, и я чуть не кубарем вылетела из дверей. Горячие слёзы навернулись на глаза.

— Ты что? — услышала я раздражённый голос. — Нам ещё две остановки! — Андрей взял мою руку, но я отшатнулась от него.

— Не трогай меня!

Я быстро устремилась вперёд, не зная, куда, зачем, почти побежала, спазмы давили горло. Ускоряя шаги, я уходила от ненужных слов, ничего не значащих объяснений.

— Стой! Да подожди ты!.. — сильные руки обхватили меня за плечи.

Я обернулась и... увидела чужие серые глаза.

— Ты что, не в себе?.. Неврастеничка!

Меня словно по лицу ударили. Я кусала губы, чтобы не разреветься. Как он мог? Он, большой и добрый? Он, мой рыцарь с голубыми, как небо, глазами. Как он мог?..

КУСОЧЕК СЧАСТЬЯ

Она хлопнула дверью так, что разом оглохли все девять этажей, а сердце в груди сжалось холодным комочком. Ждать лифта бесполезно — час пик. Бросила себя в лестничную темноту, но уже на третьей ступеньке замедлила шаг, боясь оступиться. Да, прыть уж не та. А всего-то десять лет назад, в сорок с небольшим, брала лестничные марши одним махом. В тридцать тащила при этом сумки с продуктами, а в двадцать детскую коляску с горлающим Серёжкой. Валерий в это время бредил партитурами и делал инструментовки. Забывал даже о еде. Приходилось чуть ли не силой отнимать его от рояля, иначе свою язву он заработал бы не в тридцать девять, а гораздо раньше. Соответственно, намного раньше пришлось бы придумывать для него диетические блюда. А сколько сил могло уйти на то, чтобы впихнуть их ещё и в Серёжку! Готовить для каждого отдельно она тогда была не в состоянии: свою долю времени и здоровья требовала кандидатская.

Защиту перенесли в Ростов, обязали дать мастер-класс, да ещё перед самым его началом поменяли программу. Ничего. Справилась. От натиска её интеллекта раскололся крепкий орешек: малоизвестная прелюдия Баха вместе с оппонентом, профессором Огрызко. Правда, “скорлупа” от “орешка” осталась — нервная хроническая бессонница, изматывающая, словно лихорадка. На правах старой подруги она всегда может накинуться с “объятиями”. Как нынешней ночью. Хотя с вечера всё складывалось удачно. Внук Виталька быстро уснул. Нужно было воспользоваться этим и лечь самой, считать овец, авось... Так нет же! Вспомнила про дипломную работу Лены Заречной, решила посмотреть. Искать пришлось в стопе бумаг на рояле. Туда теперь частенько кладут важное, сберегая от Витальки. Партитуры мужа она бы никогда не тронула. Но от неловкого движения они качнулись и полились на пол нотным дождём. Фотография выглядывала из новой, ещё не дописанной рукописи. “Любимому профессору Валерочке от вечной студентки Натки”, — прочла она. Перевернула снимок — старая знакомая. “...Зачем он хранит? Год назад клялся, что давно забыл, и опять? ...Или от вечной студентки Натки зависит его вдохновение?..”

Она собрала бумаги, положила фотографию сверху. Помедлила. И решительно засунула её обратно в ноты.

Утром, смурясь от ноющей головной боли, сварила овсянку для Витальки и мужа, выставила сметану, чтоб к завтраку подогрелась.

— Ма, где мой чистый халат? — заглянул на кухню Серёжка. — Сегодня сложная операция. Только не говори мне о нашей прачечной и о том, что они должны платить тебе зарплату!

— ...Возьми в шкафу на плечиках.

— И ещё, ма, Софья просила памперсы купить, а я не успею. Выручишь? И чернослива!

Когда вернулась в комнату, мужа в постели уже не было. Быстро принялась собираться на работу. Стараясь не встретиться с Валерием, выскочила в прихожку, чуть задержалась у зеркала. “Жаль, так и не купила тот синий костюм, а я в нём такая стройная”...

— Солнышко, я ведь просил: не покупай сметану в магазине! — настиг её голос мужа. — Договаривались же — только на рынке. Есть невозможно! Ты меня слышишь?

Она схватила сумку и вместо ответа хлопнула дверью так, будто вцепилась затрещину.

Жиденький серый воздух обесцветил мир и саму надежду на светлое будущее. “Если тебе почти шестьдесят, всё хорошее уже случилось”, — думала она, глядя вслед убегающему трамваю. Остановка пуста. Зябко, сыро. Когда теперь подойдёт следующий? И вдруг ярко освещённый трамвай выплыл из-за поворота, лёгкий, пустой и грохочущий. С весёлым треском распахнулись дверцы-гармошки. Она осторожно поставила ногу на ступеньку, точно не доверяла везению.

И предчувствия оправдались! Внушительный толчок сзади едва не сбил её с ног. Должно же было что-то случиться! Влетевший в последнее мгновение пассажир сам испугался содеянного. Большая серая шляпа сползла ему на нос. Он неловко поправил её, принялся бормотать извинения. Наконец, сообразил помочь даме: усадил на изодранное сиденье и сам плюхнулся рядом. Сразу заговорил. У него были длинные пышные усы. Густой баритон пробирался сквозь них, и, наверное, от этого слова звучали и мягко, и одновременно весело. Его приятно было слушать. Говорил он увлечённо, с живым огоньком в глазах. Сорок минут пути пролетели незаметно. Она вышла в мокрое утро, он поехал дальше.

В институте сонный вахтёр молча протянул ключи. Вошла в класс, бросила сумку и осторожно разжала ладонь. Алый коралл со дна Красного моря блеснул тонкими искрами. “Это кусочек от рифа Счастья, — вспомнила она голос Серой шляпы, — я безмерно рад подарить его вам!”

Она подошла к окну, чтобы лучше рассмотреть подарок. Вдохнула поглубже — и точно морской свежестью наполнило грудь. Улыбнулась. И вдруг смущённо прижала коралл к щеке...

МАТУШКА

Снег начал падать за полночь. Тихий, едва заметный. К утру вся округа, деревенские дома, дорога, обсаженная кряжистыми тополями, дальние холмы — всё побелело и обновилось. Мягкое укрывистое одеяло благолепным нарядом своим радовало глаз и взрослых, и детворы. Только матушка Наталья, выглянув во двор, равнодушно обвела взглядом снежное убранство. Дорожку на кладбище теперь пробивать придётся, с лопатой идти надо.

После вычитки утреннего правила у большой, старинной иконы Богородицы, с которой печальными глазами смотрела на неё Мать Божья, бережно прижимая к себе младенчика Иисуса Христа, после хлопот домашних Наталья вновь приблизилась к иконе, поправила лампадку и вздохнула коротко: “Пора Гришу проведать”.

Лопату выбрала полегче да пошире, снег вроде и небольшой, лёгкий, но расчищать тропинку сразу надо, иначе потом вовсе не пробраться. Надела дошку на вате, в шаль шерстяную закуталась и отправилась к могиле мужа. Скрипел снежок под ногами, дальше с морозами он повизгивать начнёт, точно поросёнок молочный, сейчас же хрустел, как огурцы малосольные, Гриша их так любил. Матушка солила огурчики особым способом, и вкуснее не получалось ни у кого. Уж это все в деревне давно признали. А пироги да олады разве не признали? Вспомнилось ей, как лет десять назад, в Петров пост, прибежала соседская девчонка Галинка и с порога: “Тётъ Наташ, вас

батюшка к себе зовёт! К нам из Москвы едут! Про монастырь кино снимать!”

Наталья в ответ только руками развела — надо так надо. Поспешила на призыв к батюшке Алексею. Тот про киношников всё подтвердил и попросил её как признанную мастерицу на кухне поработать. А то они, мол, в пост приезжать боятся, оголодают будто в деревне. От этих последних его слов Наталью аж в жар бросило, взыграло ретивое: “Ах, так! Вот я вам покажу, какой у нас пост!”

К приезду киношников стол накрыли во дворе длиннющий, и чего там только не было. Супы-похлёбки в горшочках, грибы белые и всякие прочие в маринаде и без, картошка фаршированная, запечённая, кабачки во всех видах, пироги открытые и закрытые, кулебяки на четыре начинки, расстегаи с ягодами лесными, кисели-квасы, горошницы, блинчики овсяные кружевные с черникой, варенья, мёды, взвары, квасы. А уж хлеб какой Наталья испекла, всем хлебам хлеб. Духмяный, на домашних из хмеля дрожжах изготовленный. И вкус-то деревенских продуктов с городскими не сравнить. У киношников чуть животы не лопнули, а от стола всё отойти не могут. Утёрла матушка Наталья нос городским гурманам. Гриша гордился своей хозяйкой. Почитал.

“Только как же ты нас покинул? Зачем управился рано? Я должна была лечь, а не ты...” Могила мягко сияла белизной. Над ней строго чернел деревянный крест. Фотографию, прикреплённую к перекрестью, уже слегка припорошило, и матушка бережно обтёрла её рукавом, повесила обратно. Поправила свежие ещё венки, постояла у изголовья, опершись на лопату.

Когда возвращалась с кладбища и поравнялась с крайним домом, окликнули её. Обернулась — из калитки выскочила навстречу старушка-соседка. Поздоровались, и Марковна с ходу:

— На кладбище была? Да как не боишься! Или не слыхала: волки у нас объявились!

Матушка удивлённо вскинула брови на бабуся:

— Откуда здесь волкам взяться? Про них уже лет тридцать никто не вспоминает! — улыбнулась на слова соседки.

— А зря смеёшься! Я вот сама только по телевизору видела, в новостях передали. Три волка сбежали со двора в соседнем посёлке. Мужик какой-то в клетках зверей держал. Зачем — не сказали. Может, продать в зоопарк хотел, может, ещё для чего, это уж мне неизвестно. А только волков видели. Гуляют они по округе, в деревни заходят!

Марковна схватилась за локоть матушки Натальи, оглянулась по сторонам. Видно, и вправду боялась волков встретить.

— Ты уж слухай меня, старую. Не ходи на кладбище. Не ходи, пока волков не поймают. Я вижу из окна, как ты могилу седьмой день проводишь... Не надо. Пожалей себя, — частила Марковна, не давая и слова вставить. — И то ведь, как пережить, рана свежая совсем... Сколько у нас этим вирусом проклятым заболели, сколько старых да больных свалились, а все выздоровели! Григорий твой самый здоровый был. Никогда его не забуду. Как запоёт на службе — дрожь по жилам пробегала! Не зря батюшка его протодьяконом поставил, голос — с небес будто! И вот надо ж такое... А я чего тебе сказать хотела. У нас говорят, по молитве его Господь забрал.

Матушка Наталья молчала, локоть не отнимала, с места не двигалась. И соседка осмелела:

— Я сама, грешница, слыхала, как года два назад, когда у сына вашего рак признали, Гриша твой кинулся в ноги к батюшке. А тот ему: “Готов ты за сына умереть?” Григорий вроде дрогнул даже, отшатнулся от батюшки, а потом выдал: “Готов...”

— ...А батюшка ему что? — глухо вымолвила Наталья.

— А батюшка сказал: “Ну, считай, вымолил ты его”... Вот так и было, клянусь, ни слова ни прибавила, клянусь! Как сейчас помню! — закрестилась Марковна.

— Слава Богу... — невольно вырвалось у матушки Натальи. Она освободила руку и, скрывая взгляд: — Спасибо, Марковна. Пойду я.

— А как сынок? Как здоровье его? Невестка родила?

— Невестка скоро... Вот-вот должна. Молось за неё. У Николаши — лучше вроде, ремиссия, врачи говорят.

— Ну, а ты как? У тебя ж тоже вроде признали... Мне сам Григорий твой проговорился. Или не подтвердилось?

— А чего мне сделается? — двинулась от неё Наталья. — Вот проведала Гришу — домой иду. Заходи в гости... А про молитвы Гришины знала я. Он как вышьет, от меня сторонится, а душа-то горит. Звонит друзьям, порой, плачет. Слышу однажды — причитает: “Как же я отпевать буду, как закапывать... Не приведи, Господи”. Вот и управился...

Соседка хлопнула носом, матушка Наталья коротко смахнула слезу.

Уличную снежную тишину разрезал телефонный звонок, сродни трамвайному.

Испуганная Наталья полезла в карман дохи: “Да где ж он, окаянный!” Непослушными пальцами с трудом достала вёрткий аппарат: “Николаша!”

Ткнула кнопку. Молодой мужской голос прокричал и огорошил: “Ма, у меня сын родился! Настя сына родила! Гришу! Григория! Ты бабушка теперь!” Даже Марковна, стоявшая в полуметре от Натальи, расслышала каждое слово и ахнула от радости. Матушка Наталья, забыв про соседку, чуть пошатываясь, побрела домой, плотно прижимая к уху телефон, расспрашивая про ребёнка и роженицу. А соседка крестила её сухонькой своей щепотью, крестила, пока та не скрылась из глаз...